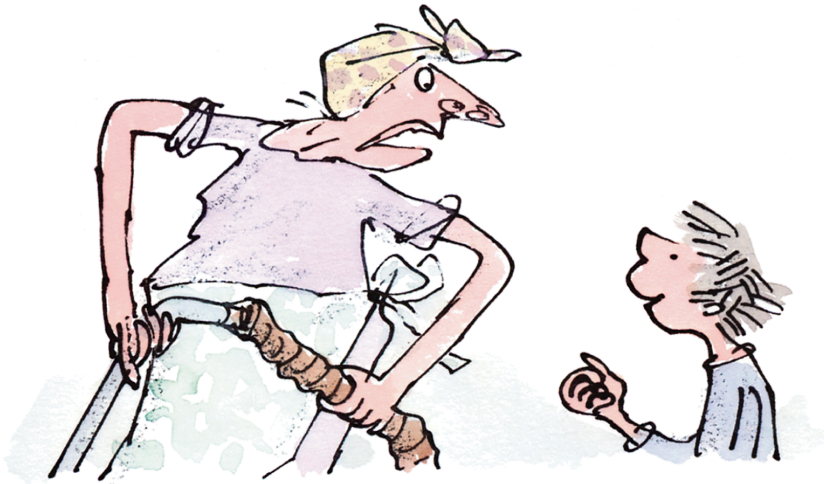
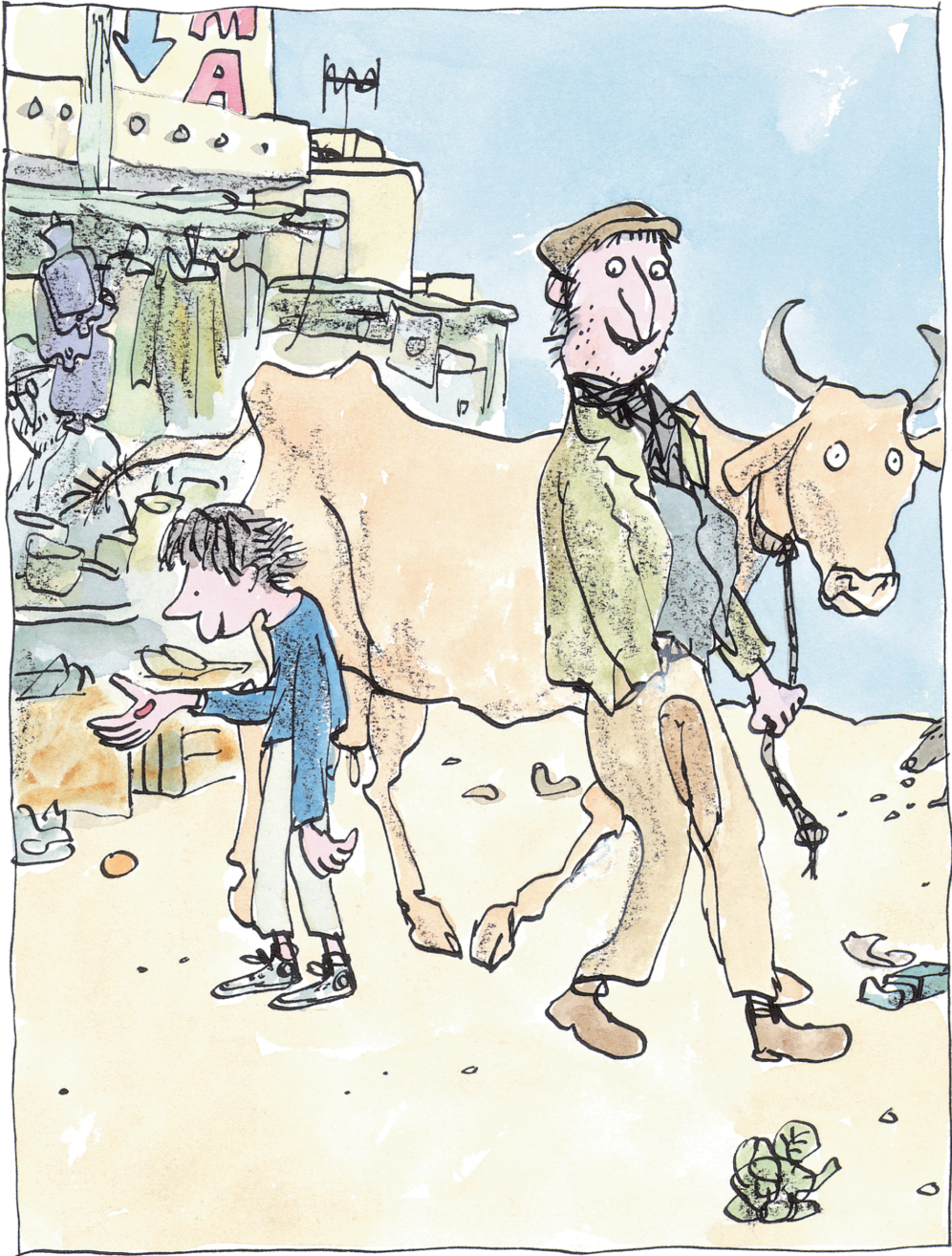

ДЖЕК И БОБИНА

Сказала мать: «Джек, нам кранты.
Пойди-ка и найди-ка ты,
кому продать нашу корову...
гиней за сто. Она здорова,
а что она стара, как мир,
мы утаим от всех придир».
Джек двинулся с коровой в путь.
Но, даже не успев всплакнуть,
мать слышит на исходе дня:
«Мамашка, похвали меня,
какой я опытный торгаш:
корова ваша — выигрыш наш!»
«Ох, с выигрышем, — вздохнула мать, —
ты Дейзи вряд ли мог продать...»

Увидев же в руке сынка
лишь боб, она до потолка
подпрыгнула — и сразу в ор:
«Я ВНЕ СЕБЯ! Ты мой позор!
Ты Дейзи продал, идиот,
за эту вот бобину... вот?
Придурок!» — рывкнула она
и боб швырнула из окна;
потом — откуда только сила? —
час-полтора дитятю била,
используя — тут без вопроса —
толстенный шланг от пылесоса.
К утру в том месте, где бобина,
взошла какая-то дубина
и, устремившись в небеса,
исчезла там за полчаса.
«Ты, мам, не видела такого:
получше, чем твоя корова!» —
воскликнул Джек, а мать ему:
«Но где ж бобы-то, не пойму?
Вот тоже... родила дебила!
Хотя б одна нашлась бобина!»
«Так ты на листья-то взгляни
вверху: из золота они».
Мальчишка, чёрт возьми, был прав:
мамаша, голову задрал,
увидела в тени густой,
что каждый листик — золотой.

«Ой, что ж теперь? Да не вопрос:
сдам “мини” и куплю “роллс-ройс”...
Не стой же пнём, бездельник, лезь
за золотом, покуда есть!»
Джек был ловок, Джек был юн,
он стал карабкаться, как вьюн,
всё выше — и в какой-то миг
верхушки дерева достиг;
но — ужас: около него
противнейшее существо
вдруг обозначилось. Оно
огромно было и страшно
и буркнуло: «ФЭ-ФИ-ФУ-ФОМ,
АНГЛИЙСКОЙ КРОВИ СЕЙЧАС ПОПЬЁМ!»
Джек был прыток, Джек был скор,
он прынул вниз во весь опор:

«Ой, мама... верь или не верь,
но наверху кошмарный Зверь,
я там чуть к стеблю не прирос,
такой у Зверя умный нос!»
«Как — умный нос? — дивится мать. —
Ты спятил, сын... ни дать ни взять!» —
«Он, мам, унюхал в вышине,
что кровь английская во мне!»
А мать ему: «И я о том!
Ты ведь не мылся перед сном,
тебя почуешь из-за туч:
что англичанин — и вонюч!
Я тоже морщусь всякий раз,
как будто ты не сын, а... газ».
«Ну, если ты всех чище здесь,
тогда сама наверх и лезь!» —
сказал ей Джек, а мать в ответ:
«Легко! В моём-то цвете лет...»

Подол зажав между зубов,
она запрыгнула на боб —
Джек замер с приоткрытым ртом:
он ждал и ждал «фэ-фи-фу-фом».
Он всё ходил боба вокруг,
но медлил, медлил звук... И вдруг
почти с небес, где воздух пуст,
раздался нестерпимый хруст
и сытый вздох: «Ох-хо-хо-хой...
А что, вкус очень неплохой —
для нашего, однако, брата
костей немножко многовато».
«Свят-свят!.. — взвыл Джек. — Я зуб даю,
он стрескал мамочку мою!
Унюхал, гад... но, как ни ахай,
она была большой неряхой».
И долго Джек всё морщил лоб,
взирая на злосчастный боб,
потом сказал: «Ну ладно уж,
пойду приму горячий душ
на случай, если эта мразь
принюхается в третий раз!
Душ — это шанс последний мой...»
И Джек отправился домой.
Он мылся час, он мылся два —
всё чисто: шея, голова,
нос, зубы, уши... — всё при всём!
И — свеж, как роза летним днём, —

он вновь взбирается на ствол,
где Зверь, огромен и тяжёл,
позёывая во весь рот
(для Джека этот рот как грот),
бурчит своё: «ФЭ-ФИ-ФУ-ФОМ,
НЕ ЧУЮ НИКОГО КРУГОМ».
Джек, глядя Зверю прямо в рот,
дождался, пока тот заснёт,
и столько золота унёс,
что стал миллионер и босс!
«А душ, — он говорил всегда, —
святое дело, господа!»

КРАСНАЯ ШАПОЧКА И СЕРЫЙ ВОЛК

Однажды Волк решил поестъ
еды получше, чем здесь есть,
и к Бабушке пошёл стучать.
А та — лишь увидала часть
животного (клыки и пасть),
лишь услышала волчье «Здра-а-асть!» —
так прямо с места и орать:
«Ах, он пришёл меня сожрать!»

Увы, она была права
и сожрана на счёт раз-два —
костлява и немолода...
«Некачественная еда!» —
заметил Волк, мечтавший съесть
еду получше, чем здесь есть.
Он, тьякая, по кухне бегал —
каким разжиться бы обедом? —
но скоро понял: чтоб поестъ
еды получше, чем здесь есть,
не надо торопить события
до Красной Шапочки прибытья, —
и в Бабушкины влез одежды
(понятно, он не съел их прежде) —
в жакет и в головной убор,
он даже в туфли влез (в упор!),

он причесался, как умел,
и в Бабушкино кресло сел.
А тут и внучка: быстрый взгляд... —
глаза о многом говорят!..

«Бабушка, почему у тебя такие большие глаза?» —
спросила Красная Шапочка.
«Чтобы лучше тебя видеть!» — ответил Волк.
«Бабушка, почему у тебя такие большие уши?» —
спросила Красная Шапочка.
«Чтобы лучше тебя слышать!» — ответил Волк.
Он говорил как бы шутя
и думал: «Ах, дитя, дитя!
В сравненьи с бабкой, что худа,
ты — калорийная еда».

Потом Красная Шапочка сказала: *«Бабушка,
какая у тебя роскошная меховая шуба!»*

«Неправильно! — воскликнул Волк. —
Спросить про ЗУБЫ — вот твой долг!
Ты плохо знаешь текст... хотя
я съем и так тебя, дитя!»
Дитя смеётся: «Значит, *вот* как?»
И вынимает из колготок
большой армейский пистолет:
БАБАХ! — и Волка больше нет.
Охотясь как-то раз на лис,
я в чаще встретил ту же мисс
уже без шапочки смешной.
Она, раскланявшись со мной,
спросила, чуть поджавши губки:
«Как я вам в этой ВОЛЧЬЕЙ ШУБКЕ?»»

